

**Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда
сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции. Книга,
полная пантагрюэлизма**

Обращаясь к достославным пьяницам и досточтимым венерикам, автор приглашает их развлекаться и веселиться, читая его книгу, и просит не забыть за него выпить.

Отца Гаргантюа звали Грангузье, этот великан был большой шут-ник, всегда пил до дна и любил закусить солененьким. Он женился на Гаргамелле, и она, проносив ребенка во чреве 11 месяцев, обьялась на празднике требухой и родила сына-богатыря, который вышел у нее через левое ухо. В этом нет ничего удивительного, если вспом-нить, что Вакх вышел из бедра Юпитера, а Кастор и Поллукс - из яйца, снесенного и высиженного Ледой. Младенец сразу же заорал: 'Лакать! Лакать!' - на что Грангузье воскликнул: 'Ну и здоровенная же она у тебя!' ('Ке гран тю а!') - имея в виду глотку, и все ре-шили, что раз это было первое слово отца при рождении сына, то его и надо назвать Гаргантюа. Младенцу дали тяпнуть винца и по добро-му христианскому обычаю окрестили. Ребенок был весьма смышле-ным и, когда ему шел шестой год, уже знал, что лучшая в мире подтирка - пушистый гусенок. Мальчика стали учить грамоте. Его наставниками были Тубал Олоферн, затем Дурако Простофиль.

Продолжать образование Гаргантюа отправился в Париж, где ему приглянулись колокола собора Богоматери; он унес их к себе, чтобы повесить на шею своей кобыле, и его с трудом уда-лось уговорить вернуть их на место.

ГЛАВА XXI

О ТОМ, ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ ГАРГАНТЮА ПО РАСПИСАНИЮ, СОСТАВЛЕННОМУ ЕГО УЧИТЕЛЯМИ-СОРБОННИКАМИ

Спустя несколько дней по прибытии Гаргантюа в Париж колокола были водворены на место, и парижане в знак благодарности за этот благородный поступок обратились к нему с предложением кормить и содержать его кобылицу сколько он пожелает, к каковому предложению Гаргантюа отнесся весьма благосклонно, вследствие чего кобылицу отправили в Бьерский лес^а (лес Фонтенбло под Парижем). Полагаю, впрочем, что теперь ее уже там нет.

После этого Гаргантюа возымел охоту со **всем** возможным прилежанием начать заниматься под руководством Понократа, но тот для начала велел ему следовать прежней методе: Понократу **нужно** было уяснить себе, каким способом за столь долгий срок бывшие наставники Гаргантюа ничего не сумели добиться и он вышел у них таким олухом, глупцом и неучем.

Время Гаргантюа было распределено таким образом, что просыпался он обыкновенно между восемью и девятью часами утра, независимо от того, светло на дворе **или** нет, — **так ему** предписали наставники-богословы, ссылавшиеся на слова Давида: *Va-num est vobis ante lucem surgere*^б. (Напрасно **вы** до света встаете (лат.)—стих из псалма **CXXVI**, в котором осуждаются люди, в погоне за наживой забывающие о сне).

Некоторое время он для прилива животных **токов** болтал ногами, прыгал и валялся в постели, затем одевался глядя по времени года, причем особенной его любовью пользовался широкий и длинный плащ из плотной фризской ткани, подбитый лисьим мехом; потом причесывался альменовским гребнем³, сиречь пя-терней, ибо наставники твердили ему, что причесываться иначе, чиститься и мыться—это значит даром терять время, отведенное для земной жизни.

Засим он испражнялся, мочился, харкал, рыгал, пукал, зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался, как архидьякон, и, наконец, завтракал, а на завтрак, чтобы ему не повредили ни сырость, ни сквозняк, подавались превосходные вареные потроха, жареное мясо, отменная ветчина, чудесная жареная козлятина и в большом количестве ломтики хлеба, смоченные в супе.

Понократ заметил, что, встав с постели, нужно сейчас же проделать некоторые упражнения, а не набрасываться на еду. Но Гаргантюа возразил:

— Как? Разве я недостаточно упражняюсь? Прежде чем встать, я раз семь перевернусь с боку на бок. Неужели этого мало? Папа Александр по совету врача еврея делал то же самое и назло завистникам дожил до самой своей смерти. Меня к этому приучили бывшие мои учителя, — они говорили, что завтрак хорошо действует на память, и по этой причине за завтраком, никого не дожидаясь, выпивали. Я от этого чувствую себя прекрасно и только с большим аппетитом ем. Магистр Тубал говорил мне, — а он здесь, в Париже, лучше всех сдал на лицензиата: дело, мол, не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше;

так же точно, если человек хочет быть в добром здоровье, то не следует пить, и пить, и пить бесперечь, как утка, — достаточно выпить с утра. *Unde versus*^б:

Плотно позавтракав, Гаргантюа шел в церковь, а за **ним** в огромной корзине несли толстый, засаленный, завернутый в мешок служебник, весивший вместе с салом, застежками и пергаментом ни более ни менее как одиннадцать квинталов^б шесть фунтов. В церкви Гаргантюа выстаивал от двадцати шести до

тридцати месс. **Тем** временем подходил и его домашний священник, весь закутанный, похожий на хохлатую птицу, отлично умевший очищать свое дыхание изрядным количеством виноградного сока.

Вместе с Гаргантюа он проборматывал все ектеньи и так старательно их вышелушивал, что зря не пропадало ни одного зерна.

Когда Гаргантюа выходил из церкви, ему подвозили на телеге, запряженной волами, груды четок св. Клавдия, причем **каждая** бусинка была величиною с человеческую голову, и, гуляя по монастырскому дворику, по галереям и по саду, Гаргантюа прочитывал столько молитв, сколько не могли бы прочитать шестнадцать отшельников.

Потом на какие-нибудь несчастные полчаса он утыкался в книгу, но по выражению одного комика, «душа его была на кухне»³.

Далее, напрудив полный горшок, он садился обедать, а так как был он от природы флегматиком, то и начинал с нескольких десятков окороков, с копченых бычьих языков, икры, колбасы и других навинопозывающих закусок.

Тем временем четверо слуг один за другим непрерывно кидали ему в рот полные лопаты горчицы; затем он, чтобы предотвратить раздражение почек, единым духом выпивал невесть сколько белого вина. После этого он ел мясо — какое именно, это зависело от времени года, ел сколько влезет и прекращал еду не прежде, чем у него начинало пучить живот.

Зато для питья никаких пределов и никаких правил не существовало, ибо он держался мнения, что границей и рубежом для пьющего является тот миг, когда пробковые стельки его туфель разбухнут на полфута-

ГЛАВА XXII

ИГРЫ ГАРГАНТЮА

Затем Гаргантюа, еле ворочая языком, бормотал самый кончик благодарственной молитвы, выпивал разгонную и ковырял в зубах кабаньей костью, после чего начинал оживленно болтать со слугами. Слуги расстилали зеленое сукно и раскладывали видимо-невидимо карт, видимо-невидимо костей и пропасть шашечных досок...

Вволю наигравшись, просеяв, проведя и проведя свое время сквозь решето, Гаргантюа почитал за нужное немножко выпить, — не больше одиннадцати кувшинов зараз, — а потом сейчас же вытянуться на доброй скамейке или же на доброй мягкой постели да часика два поспать сном праведника.

Пробудившись, он некоторое время протирал глаза. **Тут** ему приносили холодного вина; пил он его с особым смаком.

Понократ пытался внушить ему, что пить прямо со сна вредно для здоровья.

— Но ведь так жили святые отцы, — возражал Гаргантюа. — **Тем** более сон у меня от природы какой-то соленый: во сне я словно все время ем ветчину.

Затем он нехотя принимался за уроки и прежде всего — за молитвы; запасшись четками, чтобы все было чин чином, он садился на старого мула, служившего уже девяти королям, и, бормоча себе под нос и покачивая головой, отправлялся вынуть из западни кролика.

По возвращении он заходил на кухню узнать, что жарится на вертеле.

И ужинал он, — скажу вам по чистой совести, — отлично и часто приглашал к себе кое-кого из своих соседей, любителей выпить; и он от них не отставал, а они ему рассказывали небывальщины, и старые и новые. Домочадцами его были, между прочим, сеньоры дю Фу, де Гурвиль, де Гриньо и да Мариньи⁴. После ужина снова появлялись в большом количестве прекрасные деревянные евангелия, то есть шашечные доски; или жарились в свои козыри, перед **тем** же как разойтись — в банк, а не то так шли к девицам и по дороге туда и по дороге обратно выпивали и закусывали, выпивали и закусывали. Затем Гаргантюа спал восемь часов кряду.

Понократ изменил систему образования Гаргантюа в гуманистических традициях: Гаргантюа развивался не только духовно, но и укреплял тело физическими упражнениями. Понократ позаботился о том, чтобы Гаргантюа не терял времени даром и занимался с ним даже тогда, когда Гаргантюа умывался, сидел на горшке и ел.

Од-нажды лернейские пекари везли в город лепешки. Пастухи Гаргантюа попросили продать им часть лепешек, но пекари не захотели, тогда пастухи отобрали у них лепешки силой. Пекари пожаловались своему королю Пикрохолу, и Пикрохолово воинство напало на пастухов. Грангузье пытался уладить дело миром, но безуспешно, поэтому он призвал на помощь Гаргантюа. По пути домой Гаргантюа и его дру-зья разрушили вражеский замок на берегу речки Вед, и весь остаток пути Гаргантюа вычесывал из волос ядра Пикрохоловых пушек, обо-ронявших замок.

Когда Гаргантюа прибыл в замок отца, в его честь был устроен пир. Повара Оближи, Обглодай и Обсози показали свое искусство, и угощение было таким вкусным, что Гаргантюа вместе с салатом не-взначай проглотил шестерых паломников - по счастью, они застряли у него во рту, и он выковырял их зубочисткой. Грангузье рассказал о своей войне с Пикрохолом и очень хвалил брата

Жана Зубодробителя - монаха, одержавшего победу при защите монастырского вино-градника. Брат Жан оказался веселым собутыльником, и Гаргантюа с ним сразу подружился. Доблестные воины снарядились в поход. В лесу они наткнулись на разведку Пикрохола под командой графа Улепета.

Брат Жан наголову разбил ее и освободил паломников, которых разведчики успели взять в плен. Брат Жан захватил военачальника Пикрохола войска Фанфарона, но Грангузье отпустил его, Вернувшись к Пикрохолоу, Фанфарон стал склонять короля к миру с Грангузье, которого считал теперь самым порядочным человеком на свете, и заколот шпагой Бедокура, назвавшего его предателем. За это Пикрохол велел своим лучникам разорвать фанфарона на части. Тогда Гаргантюа осадил Пикрохола в Ларош-Клермо и разбил его армию. Самому Пикрохолоу удалось бежать, и по дороге старая колдунья на-гадала ему, что он снова станет королем, когда рак свистнет. Говорят, теперь он живет в Лионе и всех спрашивает, не слыхат ли, чтобы где-нибудь свистнул рак, - видно, все надеется вернуть свое королевство. Гаргантюа был милостив с побежденными и щедро одарил со-ратников. Для брата Жана он построил Телемское аббатство, не похожее ни на какое другое.

Туда будут принимать таких мужчин и женщин, которые отличаются красотой, статностью и обходительностью. Обычно, в женские обители мужчины проникают не иначе как тайком и украдкой, следственно, вам надлежит ввести правило, воспрещающее женщинам избегать мужского общества, а мужчинам — общества женского. Нет, как мужчины, так и женщины, поступив в монастырь, после годичного послушнического искуса должны и обязаны остаться в монастыре на всю жизнь, — следственно, по вашему уставу, как мужчины, так и женщины, поступившие к вам, вольны будут уйти от вас, когда захотят, беспрепятственно и безвозбранно. Нет, обыкновенно монахи дают три обета, а именно: целомудрия, бедности и послушания, — вот почему вам надлежит провозгласить, что каждый вправе сочетаться законным браком, быть богатым и пользоваться полной свободой. Что касается возрастного ценза, то при поступлении для женщин должен быть установлен предел — от десяти до пятнадцати лет, а для мужчин — от двенадцати до восемнадцати.

Вся их жизнь была подчинена не законам, не уставам и не правилам, а их собственной доброй воле и хотению. Вставали они когда вздумается, пили, ели, трудились, спали когда заблагорассудится; никто не будил их, никто не неволил их пить, есть или еще что-либо делать. Такой порядок завел Гаргантюа. Их устав состоял только из одного правила: ДЕЛАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ, ибо людей свободных, происходящих от добрых родителей, просвещенных, вращающихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительной силой, которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью.

Но когда тех же самых людей давят и гнетут подлое насилие и принуждение, они обращают благородный свой пыл, с которым они добровольно устремлялись к добродетели, на то, чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства, ибо нас искони влечет к запретному и мы жаждем того, в чем нам отказано.

Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из мужчин или женщин предлагал: «Выпьем!» — то выпивали все; если кто-нибудь предлагал: *Сыграем!* — то играли все; если кто-нибудь предлагал: *Пойдемте, порезвимся в поле* — то шли все.

Все это были люди весьма сведущие, среди них не оказалось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не умели бы читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять и стихи и прозу. Нигде, кроме Телемской обители, не было столь отважных и учтивых кавалеров, столь неутомимых в ходьбе и искусных в верховой езде, столь сильных, подвижных, столь искусно владевших любым родом оружия; нигде, кроме Телемской обители, не было столь нарядных столь изящных, всегда веселых дам, отменных рукодельниц, отменных мастериц по части шитья, охотниц до всяких почтенных и подневольных занятий.

Вот почему, когда кто-нибудь из мужчин бывал вынужден покинуть обитель, то ли по желанию родителей, то ли по какой-либо другой причине, он увозил с собою одну из женщин, именно ту, которая благосклонно принимала его ухаживания, и они вступали в брак; они и в Телеме жили в мире и согласии, а уж поженившись, еще того лучше; до конца дней своих они любили друг друга также, как в день свадьбы.

Знаменитым эпизодом о Телемском аббатстве завершается первая книга романа (по порядку написания и публикации — вторая), вышедшая в 1534 г. под заглавием "Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа. отца Пантагрюэля". В 1532 г. увидела свет вторая (по порядку написания — первая) книга романа, в которой Рабле повествует о детстве и юности Пантагрюэля, сына Гаргантюа, о его похождениях, а также о его дружбе с Па-нургом, плутоватым малым, любителем наслаждений, остроумным, ловким и неразборчивым в средствах.

**Пантагрюэль, король жаждущих, показанный в его доподлинном
виде, со всеми его ужасающими деяниями и подвигами, сочинение
покойного магистра Алькофрибаса, извлекателя квинтэссенции**

В возрасте пятисот двадцати четырех лет Гаргантюа прижил сына со своей женой Бадбек, дочерью короля УТОПИИ. Ребенок был таким огромным, что его мать умерла родами. Он появился на свет во время великой засухи, поэтому получил имя Пантагрюэль ('панта' по-гречески означает 'все', а 'грюэль' на языке агарян означает 'жаждущий'). Гаргантюа очень скорбел о смерти жены, но потом решил: 'Надо поменьше плакать и побольше пить!'

Он занялся вос-питанием сына, который был таким силачом, что еще лежа в колыбе-ли разорвал медведя на части. Когда мальчик подрос, отец отправил его учиться. По пути в Париж Пантагрюэль встретил лимузинца, ко-торый говорил на такой смеси ученой латыни с французским, что не-возможно было понять ни слова. Впрочем, когда рассерженный Пантагрюэль схватил его за горло, лимузинец со страху завопил на обычном французском языке, и тогда Пантагрюэль отпустил его. Прибыв в Париж, Пантагрюэль решил пополнить свое образование и стал читать книги из библиотеки святого Виктора, такие, как 'Щелкание приходскими священниками друг друга по носу', 'Постоянный альманах для подагриков и венериков' и т. п.

Однажды Пантагрюэль встретил во время прогулки рослого человека, избитого до синяков. Пантагрюэль поинтересовался, какие приключения довели незнаком-ца до столь плачевного состояния, но тот на все вопросы отвечал на разных языках, и Пантагрюэль ничего не мог понять. Только когда незнакомец заговорил наконец по-французски, Пантагрюэль понял, что зовут его Панург и прибыл он из Турции, где был в плену. Пан-тагрюэль пригласил Панурга в гости и предложил свою дружбу.

ИЗ ГЛАВЫ XVI

О НРАВЕ И ОБЫЧАЕ ПАНУРГА

Панург был мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, не высокий, не низенький, с крючковатым, напоминавшим ручку от бритвы, носом, любивший оставлять с носом других, в высшей степени обходительный, впрочем, слегка распутный и от рождения подверженный особой болезни, о которой в те времена говорили так: Безденежье — недуг невыносимый.

Со всем тем он знал шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным являлась незаметная кража, и был он озорник, шулер, кутила, гуляка и жулик, каких и в Париже немного.

А в сущности, чудеснейший из смертных

ГЛАВА XVI! О ТОМ, КАК ПАНУРГ ПРИОБРЕТАЛ ИНДУЛЬГЕНЦИИ *(свидетельство об опущении грехов)*

Однажды, заметив, что Панург чем-то слегка озабочен и не склонен поддерживать разговор, я решил, что причиной тому безденежье, и обратился к нему с такими словами:

— Судя по выражению вашего лица, Панург, вы больны, и я догадываюсь, чем именно: ваша болезнь называется истощением кошелька. Но вы не беспокойтесь: у меня есть приبلудные шесть с половиной су,— полагаю, они для вас будут не лишними.

Панург же мне на это ответил так:

— Э, что деньги? Прах! В один прекрасный день мне их девать некуда будет, — ведь у меня есть философский камень, он притягивает к себе деньги из чужих кошельков, как магнит — железо. А может быть, вы желаете приобрести индульгенцию? — спросил он.

— Даю вас слово, я не очень-то гонюсь за отпущением грехов на этом свете, — отвечал я, — посмотрим, что будет на том. Впрочем, пожалуй, но только, по чести, я готов затратить на индульгенцию один денье, не больше не меньше,

— Ссудите и мне один денье под проценты, — сказал он.

— Нет, нет, — сказал я, — я просто даю вам его взаймы, от чистого сердца.

— Grates vobis, Dominos,—сказал он.

Мы начали с церкви св. Гервасия, и там я купил только одну индульгенцию, ибо по части индульгенций я довольствуюсь малым, и прочитал несколько кратких молитв св. Бригитте, меж тем как Панург покупал индульгенции у всех продавцов и с каждым из них неукоснительно расплачивался.

Затем мы побывали в соборе богоматери, у св. Иоанна, у св. Антония и во всех других церквях, где только продавались индульгенции. Я больше не купил ни одной, а он прикладывался ко всем мощам и везде платил. На возвратном пути мы с ним зашли в кабачок «Замок», и он показал мне не то десять, не то двенадцать своих карманов; они были полны денег. Тут я перекрестился и спросил:

— Как это вам удалось в такое короткое время набрать столько денег?

Он же мне ответил, что понатаскал их с блюд, на которых лежат индульгенции.

— Когда я клал на блюдо первый денье, — пояснил он. — у меня это так ловко вышло, что сборщику показалось, будто я положил крупную монету. Потом я одной рукой захватил десяток денье, — а может, и десяток ливров, а уж за десяток дублей-то я ручаюсь, — другой же рукой — целых три или даже четыре десятка, и так во всех церквах, в которых мы с вами побывали.

— Да, но вы обрекаете себя на вечные муки, как змей-искуситель, — заметил я. — Вы — вор и святотатец.

— По-вашему так, а по-моему не так, — возразил он. — Ведь продавцы индульгенций сами мне дают эти деньги, — они предлагают мне приложиться к мощам и говорят при этом: «Centuplum accipies» а. Это значит, что за один денье я имею право взять сто, ибо слово accipies здесь следует понимать так, как его толкуют евреи, которые вместо повелительного наклонения употребляют будущее время.

Поэтому, когда индульгенщик мне говорит: «Sep-tuplum accipies» (Сторицей воздастся тебе) (лат.), то он хочет этим сказать: «Centuplum accipe» (Сторицей воздай себе (лат.)). В, и в таком именно духе толкуют эти слова раввины Кимхи, Абен Эзра, разные там масореты и рассуждает Бартол. Да и потом сам папа Сикст пожаловал мне ренту в полторы тысячи франков из церковных доходов за то, что я вылечил его от злокачественной опухоли, которая так его мучила, что он боялся остаться хромым на всю жизнь. Вот я сам себе, своими руками, и выплачиваю эту ренту из церковных доходов.

В это время шла тяжба между Лижизадам и Пейвино, дело было до того темное, что суд 'так же свободно в нем разбирался, как в древневерхненемецком языке'. Было решено обратиться за помощью к Пантагрюэлю, который прославился на публичных диспутах. Он первым делом велел уничтожить все бумаги и заставил жалобщиков изложить суть дела устно. Выслушав их бессмысленные речи, он вынес справедливый приговор: ответчик должен 'доставить сена и пакли на предмет затыкания гортанных прорех, перекрученных уст-рицами, пропущенными через решето на колесиках'. Все были в вос-торге от его мудрого решения, включая обе тяжущиеся стороны, что бывает крайне редко. Панург рассказал Пантагрюэлю, как он был в плену у турок. Турки посадили его на вертел, наштиговав салом, как кролика, и начали жарить, но поджариватель заснул, и Панург, излов-чившись, бросил в него головешку от костра. Начался пожар, кото-рый спалил весь город, а Панург счастливо спасся и даже уберегся от собак, бросая им куски сала, которыми был наштигован.

Великий английский ученый Таумаcт прибыл в Париж, чтобы по-видать Пантагрюэля и подвергнуть испытанию его ученость. Он пред-ложил вести диспут так, как это намеревался сделать в Риме Пико делла Мирандола, - молча, знаками. Пантагрюэль согласился и всю ночь готовился к диспуту, читая Беду, Прокла, Плотина и других ав-торов, но Панург, видя его волнение, предложил заменить его на дис-путе. Представившись учеником Пантагрюэля, Панург отвечал англичанину так лихо - вынимал из гульфика то бычье ребро, то апельсин, свистел, пыхтел, стучал зубами, выделял руками разные фортели, - что без труда одолел Таумаcта, который сказал, что слава Пантагрюэля недостаточна, ибо не соответствует и тысячной доле того, что есть в действительности. Получив известие о том, что Гаргантюа унесен в страну фей, и о том, что, проведая об этом, дипсоды перешли границу и опустошили УТОПИЮ, Пантагрюэль срочно поки-нул Париж.

Вместе с друзьями он уничтожил шестьсот шестьдесят вражеских рыцарей, затопил своей мочой вражеский лагерь, а потом разгромил великанов под предводительством Вурдалака. В этой битве погиб на-ставник Пантагрюэля Эпистемон, но Панург пришил ему голову на место и оживил. Эпистемон рассказал, что был в аду, видел чертей, беседовал с Люцифером и хорошенько подзакусил. Он видел там Се-мирамиду, которая ловила вшей у бродяг, папу Сикста, который лечил от дурной болезни, и многих других: все, кто на этом свете были важными господами, влачат жалкое и унижительное существова-ние на том, и наоборот.

Эпистемон сожалел, что Панург так быстро вернул его к жизни, ему хотелось подольше побыть в аду. Пантагрю-эль вступил в столицу амавров, женил их короля Анарха на старой шлюхе и сделал его продавцом зеленого соуса. Когда Пантагрюэль со своей ратью ступил в землю дипсодскую, дипсоды обрадовались и по-спешили сдаться. Одни лишь альмироды заупрямились, и Пантагрю-эль приготовился к наступлению, но тут пошел дождь, его воины затряслись от холода, и Пантагрюэль накрыл свое войско языком, чтобы защитить от дождя. Рассказчик этих правдивых историй ук-рылся под большим лопухом, а оттуда прошел по языку и угодил Пантагрюэлю прямо в рот, где провел больше полугода, а когда вышел, то рассказал Пантагрюэлю, что все это время ел и пил то же, что и он, 'взимая пошлину с самых лакомых кусков, проходивших через его глотку'.

Третья книга героических деяний и речений доброго Пантагрюэля, сочинение мэтра Франсуа Рабле, доктора медицины

Покорив Дипсодию, Пантагрюэль переселил туда колонию утопийцев, чтобы возродить, украсить и заселить этот край, а также привить дипсодам чувство долга и привычку к послушанию. Панургу он пожаловал замок Рагу, дававший как минимум 6789106789 реалов ежегодного дохода, а часто и больше, но Панург за две недели рас-тратил все свои доходы на три года вперед, причем не на какие-ни-будь пустяки, а исключительно на попойки и пирушки. Он обещал Пантагрюэлю выплатить все долги к греческим календам (то есть ни-когда), ибо жизнь без долгов - не жизнь.

Кто, как не заимодавец, денно и нощно молится о здоровье и долголетию должника. Панург стал подумывать о женитьбе и спросил совета у Пантагрюэля. Панта-грюэль согласился со всеми его доводами: и с теми, которые за же-нитьбу, и с теми, которые против, так что вопрос остался открытым. Они решили погадать по Вергилию и, раскрыв книгу наугад, прочли, что там написано, но совершенно по-разному истолковали цитату.

То же произошло и тогда, когда Панург рассказал свой сон. По мнению Пантагрюэля, сон Панурга, как и Вергилий, сулил ему быть рогатым, битым и обобраным, Панург же видел в нем предсказание счастли-вой семейной жизни. Панург обратился к панзуйской сивилле, но и пророчество сивиллы они поняли по-разному. Престарелый поэт Котанмордан, женатый на Сифилитии, написал стихотворение, полное противоречий:

'Женись, вступать не вздумай в брак.
/ <...> Не торопись, но поспешай. /
Беги стремглав, замедли шаг. /
Женись или нет' и т. д.

Ни Эпистемон, ни ученый муж Триппа, ни брат Жан Зубодробитель не смогли разрешить обуревавших Панурга сомнений, Пантагрюэль призвал на совет богослова, лекаря, судью и философа. Богослов и лекарь посоветовали Панургу жениться, если ему этого хо-чется, а по поводу рогов богослов сказал, что это уж как Богу будет угодно, а лекарь - что рога естественное приложение к браку. Фило-соф на вопрос, жениться Панургу или нет, ответил: 'И то и другое', а когда Панург его переспросил: 'Ни то ни другое'. На все вопросы он дал столь уклончивые ответы, что в конце концов Панург восклик-нул: 'Я отступаюсь... я зарекаюсь... я сдаюсь. Он неуловим'.

Панта-грюэль отправился за судьей Бридуа, а его друг Карпалим - за шутот Трибуле. Бридуа в это время находился под судом. Ему было предъявлено обвинение, что он вынес несправедливый приговор с по-мощью игральных костей. Бридуа, щедро уснащая свою речь латин-скими цитатами, оправдывался тем, что уже стар и плохо видит выпавшее количество очков. Пантагрюэль произнес речь в его защиту, суд под председательством Суесловия оправдал Бридуа.

Загадочную фразу шута Трибуле Пантагрюэль и Панург, как водится, поняли по-разному, но Панург обратил внимание, что шут сунул ему пустую бу-тылку, и предложил совершить путешествие к оракулу Божественной Бутылки. Пантагрюэль, Панург и их друзья снарядили флотилию, на-грузили корабли изрядным количеством чудо-травы пантагрюэлион и приготовились к отплытию.

Книга четвертая

Корабли вышли в море. На пятый день они встретили судно, плывшее из Фонарии. На борту его были французы, и Панург повздо-рил с купцом по прозвищу Индюшонок. Чтобы проучить забияку купца, Панург за три турецких ливра купил у него одного барана из стада на выбор; выбрав вожака, Панург бросил его за борт. Все бара-ны стали прыгать в море вслед за вожаком, купец старался помешать им, и в результате один из баранов увлек его за собой в воду и купец утонул.

Путешественники прибывают на остров Прокурации - *страну перепачканную и перемаранную», населенную кляузниками и сутягами, питающимися палочными ударами* (гл. XII—XVI); В Прокурации - на земле

прокуроров и ябедников - путе-шественникам не предложили ни поесть, ни попить. Жители этой страны добывали себе деньги на пропитание диковинным способом: они оскорбляли какого-нибудь дворянина до тех пор, пока он не выйдет из терпения и не избьет их, - тогда они требовали с него кучу денег под страхом тюремного заключения. Брат Жан спросил, кто хочет получить двадцать золотых экю за то, чтобы его дьявольски избили. От желающих отбою не было, и тот, кому посчастливилось получить взбучку от брата Жана, стал предметом всеобщей зависти.

На пути к оракулу Божественной Бутылки утопийцы посещают поочередно различные неведомые страны, где видят множество удивительных вещей: остров Прокурации, стров Жалкий, где царствует

После сильной бури и посещения острова макреонов корабли Пантагрюэля прошли мимо острова Жалкого, где царствовал *великий пожиратель гороха*, щедрый на индульгенции плаксивый Постник (католический пост) (гл. XXIX— XXXII), ведущий ожесточенную войну с жителями соседнего острова — Колбасами (протестанты, отвергающие пост), и приплыли на остров Дикий, населенный за-клятыми врагами Постника - жирными Колбасами.

Колбасы, при-нявшие Пантагрюэля и его друзей за воинов Постника, устроили им засаду. Пантагрюэль приготовился к бою и назначил командовать сражением Колбасореза и Сосисокромса. Эпистемон заметил, что имена полководцев внушают бодрость и уверенность в победе. Брат Жан построил огромную 'свинью' и спрятал в нее целое войско отважных поваров, как в Троянского коня. Бой окончился полным по-ражением Колбас и появлением в небе их божества - огромного се-рого хряка, сбросившего на землю двадцать семь с лишним бочек горчицы, являющейся целебным бальзамом для Колбас.

Посетив остров Руах, жители которого ничего не ели и не пили, кроме ветра, Пантагрюэль и его спутники высадились на острове папефигов (показывающие папе фигу, т. е. кальвинисты) - людей, *некогда богатых и свободных, прозывавшихся весельчаками. Ныне же то были люди бедные, несчастные и подчинялись они папомам*; за то, что один из его обитате-лей показал фигу портрету папы.

В часовне этого острова в купели лежал человек, а три священника стояли вокруг и заклинали бесов. Они рассказали, что этот человек пахарь. Однажды он вспахал поле и засеял его полбой, но на поле пришел чертенюк и потребовал свою долю. Пахарь договорился поделить с ним урожай пополам: чертен-ку - то, что под землей, а крестьянину - то, что сверху. Когда при-шло время собирать урожай, пахарю достались колосья, а чертенку - солома. На следующий год чертенюк выбрал то, что сверху, но пахарь посеял репу, и чертенюк вновь остался с носом. Тогда чертенюк решил царапаться с пахарем с условием, что побеж-денный теряет свою часть поля. Но когда чертенюк пришел к пахарю, его жена с рыданиями рассказала ему, как пахарь для тренировки царапнул ее мизинцем и всю разодрал. В доказательство она задрала юбку и показала рану между ног, так что чертенюк почел за лучшее убраться восвояси.

Покинув остров папефигов, путешественники при-ыли на остров папоманов, жители которого, узнав, что они видели живого папу, приняли их как дорогих гостей и долго расхваливали им изданные папой Священные Декреталии.

Покинув злосчастный Остров папефигов, мы уже целый день шли при тихой погоде и во всяком удовольствии, когда взору нашему явился благословенный Остров папоманов. Только-только бросили мы якоря, не успели мы привязать канаты, а уж к нам подъехали в челне четверо по-разному одетых людей: один из них, грязнее грязи, был одет, как монах, и притом в сапогах; другой — как сокольник, в ловчей перчатке и с чучелом птицы в руке; третий — как ходатай по делам, с большим мешком, набитым справками, повестками, кляузами и отсрочками; четвертый — как орлеанский виноградарь, в прекрасных полотняных гетрах, с кошелкой и с ножом за поясом.

Приблизившись к нашему кораблю, они громко крикнули все вдруг:

— Путешественники, видели вы его? Видели вы его? .

— Кого? — осведомился Пантагрюэль. .

— Его, — отвечали те.

— Да кто он таков? — спросил брат Жан—Клянусь бычьей смертью, я его уложу на месте! (Он полагал, что речь идет о каком-нибудь разбойнике, убийце или же святотатце.)

— Как же вы, странники, не знаете единственного? — спросили те.

— Господа,—заговорил Эпистемон,—мы не понимаем ваших условных обозначений. Сделайте одолжение, объясните нам, кого вы имеете в виду, и мы ничего от вас не утаим.

— Мы говорили о сущем, — молвили те. — Вы его когда-нибудь видели?

— Сущий — это бог, согласно учению наших богословов, — сказал Пантагрюэль.—Именно этим словом определил он сам себя в беседе с Моисеем. Разумеется, его мы не видели, да его и невозможно увидеть очами телесными.

— Мы говорим не о всевышнем боге, который на небесах, — объявили те. — Мы говорим о боге, который на земле. Его вы когда-нибудь видели?

— Клянусь честью, они имеют в виду папу,Как же, как же, господа, еще бы, — заговорил Панург, — я видел целых трех, но проку мне от того не было никакого". (*Рабле видел в Риме последовательно трех пап: Климента VII, Павла III и Юлия III.*)

— То есть как трех?—воскликнули те.—В священных Декреталиях(*постановления римских пап*), которые мы распевает, говорится, что живой папа может быть только один.

— Я хочу сказать, что видел их последовательно, одного за другим, а не то чтобы всех троих сразу, — пояснил Панург.

— О трижды, о четырежды блаженные люди! — воскликнули те. — Вы — наши дорогие-предорогие гости. С последним словом они опустились пред нами на колени и хотели было облобызать стопы наши, но мы до этого не допустили, сославшись на то, что если, мол, на их счастье папа явится к ним самолично, то более высоких знаков уважения они уже не смогут ему оказать.

— Окажем! — возразили те. — Его мы поцелуем в зад, без всякого листка, а заодно и в яички, а что яички у святого отца есть, об этом прямо говорится в дивных наших Декреталиях, иначе он не был бы папой. Хитроумная декреталийная философия неизбежно приходит к такому выводу: он — папа, следовательно, яички у него есть, а если бы яички перевелись на свете, тогда свет лишился бы и папы.

Пантагрюэль между тем спросил их гребца, кто эти четверо. Гребец ему ответил, что это представители четырех сословий, населяющих остров, и еще прибавил, что нас хорошо примут и хорошо с нами обойдутся, так как мы видели папу, а Пантагрюэль сообщил об этом Панургу, Панург же сказал ему на ухо:

— Свидетель бог, все прекрасно! Кто терпеливо ждет, тому всегда бывает награда. До сих пор мне не было никакого проку от того, что я видел папу, а сейчас, черт побери, я вижу, что прок будет!

Тут мы ступили на сушу, а навстречу нам целой процессией вышло все население острова: мужчины, женщины, дети. Четыре сословных представителя громко крикнули им:

— Они его видели! Они его видели! Они его видели! При этом возгласе все пали пред нами на колени, сложили руки и, воздев их горе, воскликнули:

— О счастливые люди! О безмерно счастливые люди! И длились эти восклицания более четверти часа. Затем примчался начальник местной школы со всеми наставниками и со всеми своими школьниками, как старшими, так равно и младшими, коим он тут же закатил основательную порку, подобно тому как у нас секут детей, когда вешают какого-нибудь злодея, — секут для того, чтобы событие это запечатлелось у них в памяти. Пантагрюэль, однако же, разгневался и сказал:

— Господа, перестаньте сечь детей, иначе я от вас уеду! Зычный его голос поверг народ в изумление; я слышал, как маленький длиннорукий горбун обратился к начальнику школы:

— С нами святые Экстраваганты а! Неужто все, кто видел папу, становятся такими же высокими, как тот, который нам сейчас угрожает? Ах, какая досада, что я до сих пор не видел папу, — я бы вырос и стал таким же большим, как наш гость!

Клики были столь громки, что примчался, наконец, сам Гоме-нац (*мужичище (лангедокск.)*). (так звали их епископа) на невзнузданном муле под зеленой попоной, а с ним его подвассальные (как их тут называют) и прислужники с крестами, стягами, хоругвями, покровами, факелами и кропильницами.

И вот этот самый епископ также во что бы то ни стало пожелал облобызать нам стопы, — ни дать ни взять ревностный христианин Вальфинье, возжелавший облобызать их папе Клименту, — и объявил нам, что у одного из их гипофетов (*прорицатели* (греч.)), разгрызателей и толкователей священных Декреталий, так прямо и написано, что мессию ожидали иудеи с давних пор и, наконец, он все же пришел; так точно и папа когда-нибудь на их остров пожалует. В ожидании же сего блаженного дня всех тех, кто видел его в Риме или где-нибудь еще, им надлежит, мол, угощать на славу и принимать с честью.

И все же мы под благовидным предлогом не дали ему облобызать наши стопы.

Отплыв от острова папоманов, Пантагрюэль и его спутники услышали голоса, конское ржание и другие звуки, но, сколько они ни озирались по сторонам, никого не увидели. Лоцман объяснил им, что на границе Ледовитого моря, где они плыли, минувшей зимой произошло сражение. Слова и крики, звон оружия и конское ржание замерзли в воздухе, а теперь, когда зима прошла, оттаяли и

стали слышны. Пантагрюэль бросал на палу-бу пригоршни разноцветных слов, среди которых оказались даже ру-гательства.

Вскоре Пантагрюэлева флотилия прибыла на остров, которым правил всемогущий мессер Гастер. Жители острова, прино-сили в жертву своему богу всякую снедь, начиная от хлеба и кончая артишоками. Пантагрюэль выяснил, что не кто иной, как Гастер, изобрел все науки и искусства: земледелие - для того, чтобы растить зерно, военное искусство и оружие - чтобы защищать зерно, меди-цину, астрологию и математику - чтобы хранить зерно. Когда путе-шественники проплыли мимо острова воров и разбойников, Панург спрятался в трюме, где принял пушистого котищу Салоеда за черта и обмарался от страха. Потом он утверждал, что ничуть не испугался и что он такой молодец против овец, каких свет не видел.

Книга пятая

Путешественники приплыли на остров Звонкий, куда их пустили только после четырехдневного поста, оказавшегося ужасным, ибо в первый день они постились через пень-колоду, во второй - спустя рукава, в третий - во всю мочь, а в четвертый - почем зря.

Остров населен прожорливыми птицами с разным оперением, которые все содержатся в роскошных клетках.

Они зовутся: клирцы, инокцы, священцы, аббатцы, епископцы, кардинцы и, единственный в своем роде, папек. Самки назывались: клиоицы, инокицы, свкщенницы, аббатицы, епископицы, кардиницы и папицы. Все их занятие — прыгать, щебетать и петь под непрерывающийся звон колоколов. На остров слетаются все те, которые не умеют и не желают хоть что-нибудь делать, заниматься каким-либо благородным искусством или почтенным ремеслом, верой и правдой служить честным людям. Когда им не везет в любви; когда они, потерпев неудачу в своих предприятиях, впадают в отчаяние; когда они, совершив какое-нибудь гнусное преступление, скрываются от позорной казни, то все они слетаются сюда на готовенькое: прилетят тощие, как сороки, — глядь, уж разжирили, как сурки. Здесь они в полной безопасности, неприкосновенности и на полной свободе.

Посетив остров железных изделий и остров плутней, Пантагрюэль и его спутники прибыли на остров Застенок, населенный безобразными чудовищами - Пушистыми Котами, которые жили взятками, по-требляя их в немереных количествах: к ним в гавань приходили целые корабли, груженные взятками.

Все Коты питаются маленькими детьми и едят на мраморных камнях... (намек на большой мраморный стол в суде), *при этом у них когти такие крепкие, длинные и острые, что ничто, схваченное ими, не может вырваться.*

Вырвавшись из лап злых котов, путешественники посетили еще несколько островов и прибыли в га-вань Матеотехнию, где их проводили во дворец королевы Квинтэс-сенции, которая не ела ничего, кроме некоторых категорий, абстракций, вторичных интенций, антитез и т. п. Прислужники ее доили козла и сливали молоко в решето, ловили сетями ветер, по одежке протягивали ножки и занимались прочими полезными дела-ми. В конце путешествия Пантагрюэль и его друзья прибыли в Фонарию и высадились на острове, где находился оракул Бутылки. Фонарь проводил их в храм, где их провели к принцессе Бакбук - придвор-ной даме Бутылки и верховной жрице при всех ее священнодействиях.

Вход в храм Бутылки напомнил автору повествования разрисованный погребок в его родном городе Шиноне, где бывал и Пантагрюэль. В храме они увидели диковинный фонтан с колоннами и изваяниями. Струившаяся из него влага показалась путешественникам холодной ключевой водой, но после сытной закуски, принесенной для того, чтобы прочистить гостям нёбо, напиток показался каждому из них именно тем вином, которое он любил больше всего. После этого Бак-бук спросила, кто хочет услышать слово Божественной Бутылки. Узнав, что это Панург, она увела его в круглую часовню, где в алеба-стровом фонтане лежала наполовину погруженная в воду Бутылка. Когда Панург пал на колени и пропел ритуальную песню винограда-рей, Бакбук что-то бросила в фонтан, отчего в Бутылке послышался шум и раздалось слово: 'Тринк'. Бакбук достала книгу в серебряном

переплете, оказавшуюся бутылкой фалернского вина, и велела Панургу осушить ее единым духом, ибо слово 'тринк' означало 'пей'. На прощание Бакбук вручила Пантагрюэлю письмо к Гаргантюа, и путешественники отправились в обратный путь.

О. Э. Гринберг